

Д.М. Митрофанов

**200
тысяч
маленьких
удовольствий**

Д. М. Митрофанов

200 тысяч маленьких удовольствий

«Издательские решения»

Митрофанов Д. М.

200 тысяч маленьких удовольствий / Д. М. Митрофанов —
«Издательские решения»,

История о скромном служащем средних лет, воспитанном в Стране советов, на которого неожиданным образом свалилась куча денег. Сможет ли он изменить свою судьбу? Удастся ли ему осуществить мечты? И наконец, возможно ли измениться в одночасье человеку, чья жизнь, складываемая по кирпичику в течение многих лет, не соответствовала представлениям о счастливой жизни? Эпичные приключения возможны и в наше культурное время. Действие происходит в одном из городов России в конце двадцатого столетия.

© Митрофанов Д. М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
День первый	9
День второй	12
День третий	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

200 тысяч маленьких удовольствий

Д. М. Митрофанов

Тем, кто готов поверить в себя.

© Д. М. Митрофанов, 2016

© Илья Иванов, иллюстрации, 2016

Корректор Ольга Бекасова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

*Свобода дается лишь тому, кто знает,
что это такое. Я не знаю.*

Господь Бог

Семен Филиппович ехал в электричке с работы домой. Он безумно устал – устал от всего: от зарплаты, которой всегда не хватало, от неблагодарного начальства, от этих серых бездушных лиц, изо дня в день окружающих его... И даже от судьбы, наделившей его не самой впечатляющей жизнью – унылой и скучной.

Ехать было недолго, поэтому Семен Филиппович никогда не позволял себе спать в вагоне, особенно после того случая, когда он в предновогоднюю ночь, задремав, оказался за сто первым километром. Незабываемая морозная ночь! Мужчина тяжело вздохнул. В его дипломате лежала сегодняшняя газета – уж лучше читать, чем предаваться тягостным воспоминаниям. Приоткрыв дипломат, находящийся у него на коленях, он не глядя запустил внутрь руку. Газета должна была лежать сверху – промахнуться он не мог. Семен Филиппович вздрогнул. То, на что натолкнулась его рука, никак не ассоциировалось с понятием «газета». Одного взгляда, брошенного внутрь дипломата, было достаточно, чтобы убедиться в этом и тут же с силой захлопнуть его. Лоб Семена Филипповича покрылся испариной, сердце бешено колотилось, ему с трудом удавалось сохранять видимое спокойствие. Отдышавшись, он осмотрелся. Похоже, никто из пассажиров не заметил изменений, произошедших с ним, а главное – содержимого дипломата. Или сделали вид, что не заметили? От этой догадки ему сделалось нехорошо. Мужчину лихорадило – каждый из его попутчиков вызывал обоснованные подозрения. С каждой секундой подозреваемых становилось все больше – в вагоне, где ехал Семен Филиппович собралась кодла маньяков, воров, стукачей и убийц, доверять было не кому. Он ошалело вращал глазами, волна адреналина накрыла его. Что же делать?! Бежать сейчас? Догонят. Перейти в другой вагон? Нет, рискованно – скорее всего, порешат в тамбуре. Надо ждать, ждать своей станции, а там будь что будет. Время, время, сволочное время... Машинист, гад, что же так медленно! Мысли бешено скакали по кругу. Секунды вязко сменяли друг друга.

Электричка приближалась к его станции. Показалась платформа. Потный Семен Филиппович, затаив дыхание, сидел не шелохнувшись. Лишь когда двери с шумом распахнулись, он рванул к выходу, прижав дипломат к груди. Бежал не глядя, напролом, бежал к далекой спасительной двери. Выскочив из вагона, прибавил в движении. Оказавшись перед своим домом, он все же замедлил ход. В подъезд зашел ровно, четко чеканя шаг – бабки, сидящие на лавочке, остались довольны.

Дома сегодня царило особое настроение, озаменованное неожиданным приездом тещи. Как опытный охотник, Семен Филиппович почувствовал это (тещу) еще до того, как зашел в квартиру, энергично втянув сквозь раздутые ноздри воздух:

– Враг не дремлет.

Клавдия Лаврентьевна встречала зятя на пороге и была готова ко всякой неожиданности. Вместо обычных приветствий, коими не изобилдовал словарный запас Семена Филипповича, типа «Не сидится же старой манде дома», Клавдия Лаврентьевна услышала непривычное – «Здра». Семен Филиппович скорее по привычке, машинально, нежели специально зацепил ее плечом, проходя мимо. Теща проводила зятя недоуменным взглядом, полным непонимания – она рассчитывала на открытое сражение, войну – немедленно, без страха и сострадания, когда запах пороха становится близким запахом тела. Это хоть как-то развлекло бы старушку. Сначала Клавдия Лаврентьевна даже расстроилась, но потом взяла себя в руки, она хорошо знала потенциальные возможности своего зятя – все еще впереди.

Семен Филиппович заперся в туалете, прихватив с собой дипломат. Сидя на унитазах, он нервно поглаживал руками потертую с годами дерматиновую поверхность дипломата, покоящегося у него на коленях, не решаясь открыть его. Сделав несколько глубоких вдохов, Семен Филиппович зажмурился. Щелкнули замки. Дрожащими руками он приподнял крышку и медленно открыл глаза... Это не было галлюцинацией или же миражом, фантазией, не имеющей место в реальном мире. В его дипломате находилось то, о чем он так долго мечтал, – деньги, пачки стодолларовых купюр, аромат которых пьянит, подобно запаху любимой женщины, необыкновенному и всегда желанному. Двадцать пачек – двести тысяч долларов – сразу прикинул Семен Филиппович, перебирая, перекладывая, вновь пересчитывая, упоительно наслаждаясь свалившимся на него богатством. Он не стал ломать голову над тем, как появились деньги в дипломате, нет – сразу поверил в чудо и более не возвращался к этому вопросу. А так как в последнее время он был полностью погружен в свою работу и несколько рассеян по отношению к внешним факторам, потому и не обратил внимания на прибавку в весе дипломата. Так или иначе, но Семен Филиппович уверовал в то, что деньги принадлежат ему, и теперь строил планы, вихрем носившиеся в его голове.

«Надо обрадовать семью. Покажу им сейчас, что у меня есть, то-то удивятся. Праздник устроим – вино, шампанское, икра... Гульнем на всю катушку. А завтра за покупками: всем подарки, квартиру новую, машину, дачу, круизы, санатории...» – думал Семен Филиппович, поймав себя на том, что счастливо улыбается, сидя на унитазах.

За дверью туалета послышалось внимательное дыхание Клавдии Лаврентьевны.

«Ах ты! – вдруг резко обозлился Семен Филиппович. – Вот вам, – показывая кукиш в дверь: – подарки, икорка, шампанское, круизы, машины... Не дождетесь, ничего у меня не получите!»

Сразу вспомнились былые обиды – великое множество: жена его не любила уже давно, впрочем, как и он ее, в бабьем кругу называла его неудачником, козлом, а иногда и импотентом. Это он знал точно. Дети бессовестные, неблагодарные, с абсолютно чуждыми взглядами, моралью и интересами едва ли не презирали его только за то, что он не был вором, а жил по своей совести. Теща – теща падла.

Семен Филиппович для себя все решил. Он захлопнул крышку дипломата и вышел из туалета. Клавдия Лаврентьевна упорхнула секундой раньше.

Он зашел в комнату к детям. Дети вгоняли себя в экстаз, слушая недоношенную музыку, рожденную где-то на окраине прямой кишки. На отца дети не обратили внимания, даже не поприветствовали – значит, деньги у них еще не закончились. Ему, бесконечно их любившему, было очень неприятно видеть такие отстраненные отношения в семье. Эти последние десять лет – годы ужасного позора для всей страны, когда политика, культура, образование, мораль, убеждения и даже еда были навязаны народу бывшими врагами Родины, а ныне «друзьями» с одной лишь целью – максимально ослабить, а лучше уничтожить все, чем когда-то гордилась великая страна. Позиция его детей – результат этих мероприятий. Несмотря на все приложенные усилия, он не смог противостоять машине тотального промывания мозгов, войну за человеческое лицо своих детей он, похоже, проиграл. Семен Филиппович вышел из комнаты, убежденный в правильности своего решения.

– Волки позорные, – очень тихо пробурчал он себе под нос.

– Что ты сказал? – переспросила полуглухая Клавдия Лаврентьевна из самого дальнего угла квартиры.

– Я люблю вас, мама! – с наигранной любовью ответил Семен Филиппович.

– А, тогда понятно, – в свою очередь слухавила Клавдия Лаврентьевна, не отрывая соколиного взгляда совсем ослепших глазниц от дипломата, крепко зажатого в руке зятя.

Употребив по назначению ужин, приготовленный женой, с годами ставший совсем не вкусным, состоящий из макарон первого сорта и сосиски из костной муки, Семен Филиппо-

вич заперся на балконе. Мысли о счастливом будущем его успокоили – новая жизнь, не отождествленная ни с кем из присутствующих. Семен Филиппович видел себя совсем другим человеком – солидным, уважаемым, счастливым, здоровым и самое главное – любимым. Молодая, красивая жена родит ему крошку сына, в которого он вложит всю свою душу, шикарная квартира, машина, преуспевающие друзья, работа на высоком посту... Семен Филиппович предавался мечтам. Но сначала все же самое сокровенное – то, чего он ранее не мог себе позволить, считая недостижимым. Да, именно так. Покинув балкон, он был полон решимости – с завтрашнего дня новая жизнь.

В коридоре было пусто – видимо, все собрались у телевизора. Семен Филиппович огляделся – вроде бы чисто, но запах тещи присутствовал незримо близко. Зазор между нижней частью закрытой двери зала и полом, через который должен сочиться свет ламп, был подозрительно затемнен. Пришлось встать на колени, чтобы узнать причину. Вроде ожидаемо, но тещин глаз..., в который уперся взор Семена Филипповича, как-то даже напугал. Он резко отпрянул от двери и вскочил на ноги. По всем неписанным канонам теперь ему необходимо было моментально отреагировать для восстановления статус-кво. Попытался ткнуть ногой в дверную щель – попытка не пытка – не удалось. Клавдия Лаврентьевна удовлетворенно вздохнула – ну вот, вроде как началось, все чинно, благородно, по-родственному. Теперь и она может начать военные действия: попытка дать в глаз «с ноги» – такое не каждый день случается.

Семен Филиппович уже полчаса ходил из угла в угол, ломая голову – куда бы запрятать дипломат с деньгами так, чтобы жена не обратила на него внимания и ни одна сука (теща) не нашла его. Самым недоступным местом для суки невысокого роста оказалась книжная полка, верхний ее ряд. Даже со стулом он едва дотянулся до нее.

Оставив дипломат на верхней полке, Семен Филиппович завалился спать и неожиданно быстро заснул. Проснулся он среди ночи от шума падающих книг, полки и некоего тела. На грохот сбежалась вся семья, даже соседские дети. Дипломат – вот что больше всего волновало Семена Филипповича. Он лежал на полу обособленно, недалеко от кучи книг, из которой торчала чья-то морщинистая рука – рука Клавдии Лаврентьевны. Ее-то и не хватало среди окружающего семейства, сонно щурящегося от света лампы, до конца не разобравшегося, что же все-таки произошло. И лишь она знала все.

Дипломат в руке зятя, конечно, не мог заинтересовать столь почтенную женщину, как она... Дождавшись, когда все заснут, Клавдия Лаврентьевна со стулом в руках оказалась перед полкой. До дипломата она, само собой, дотянуться не сумела. И тогда воздушная Клавдия Лаврентьевна решила достичь цели, используя полки как ступеньки. Книжная полка рухнула мгновенно, не выдержав такую тушку, сорвав крепления с потолка. И хотя при падении Клавдия Лаврентьевна сгруппировалась, избежать участи быть погребенной под книгами ей не удалось.

Рука медленно зашевелилась, убив зародившуюся надежду в душе Семена Филипповича. Просканировав окружающую обстановку, рука засекала цель и, подрагивая, двинулась к дипломату. Но не дремал Семен Филиппович. В тот момент, когда руке оставалось преодолеть каких-то несколько сантиметров, он точно и уверенно наступил на нее, потом забрал дипломат и покинул комнату.

Скорая, как назло, приехала быстро. С вывихом руки и сотрясением головы Клавдию Лаврентьевну отвезли в одну из самых дальних больниц (не без вмешательства Семена Филипповича) для оказания первой помощи.

Семен Филиппович, положив под подушку дипломат, сладко заснул и увидел сон в высшей степени эротический – с двумя мулатками, бассейном, виллой, которую он наяву видел в каком-то глянцево-журнале, а главное – деньги, деньги, кругом деньги: они росли на деревьях, валялись на полу, плавали в бассейне...

День первый

Семен Филиппович проснулся довольным, когда сон подошел к своему логическому завершению – чего еще можно ожидать от двух жгучих мулаток.

– Вещий, – сказал торжественно он и услышал доносящееся с кухни чавканье. Мулатки ушли в сторону.

Клавдия Лаврентьевна не переставала поражать взыскательную публику своими новыми достижениями. Сполна получив первую медицинскую помощь, она, не дожидаясь рассвета и начала движения общественного транспорта, кряхтя, на ослабших ногах, помолясь, поковыляла домой, преодолев пятнадцать километров за час сорок. И сейчас, тщательно пережевывая, доедала заблаговременно приготовленный завтрак Семена Филипповича.

– Это ж надо, не померла, – сделал вид, что удивился Семен Филиппович.

– Нет, – бодренько ответила пожилая женщина, – я еще некоторых переживу.

– Ну, это вряд ли, – как можно более убедительно произнес Семен Филиппович, подумывая о том, что все же будет немного жаль денег, потраченных на киллера, хотя чего только не сделаешь для хорошего человека. От этой мысли у него побежали мурашки по спине, а внутри потеплело, как от ста граммов коньяка – теща мертвая, в гробу, вся в черном, молчит и не шевелится. Эх, хорошо!

Мужчина даже не расстроился, что остался без завтрака. Наскоро собравшись, взяв дипломат и кухонный нож для обороны, отправился на работу.

Работа для Семена Филипповича была чем-то вроде наказания, он ее не любил. Мысль о том, что у него в дипломате лежит целое состояние, а он продолжает работать за ничтожную зарплату, возымела свое действие. Правда, он не стал со скандалом увольняться, бить морду начальнику или зажимать в углу секретаршу, нет, это он делал на прежних местах. Сейчас он просто накатал заявление «о предоставлении отпуска за свой счет» и был таков, получив целую неделю в свое распоряжение.

Семен Филиппович сидел на скамейке в сквере. Мимо проходили молодые мамы с колясками, школьники с туго набитыми портфелями, пожилые пары, придерживающие по-стариковски друг друга за локти, но все так же нежно, как сорок лет назад, студенты и служащие, вечно решающие на ходу хитросплетенные проблемы, и просто прохожие, которых судьба занесла сегодняшним днем в этот сквер. Каждый из них владел своим миром, был наделен своей судьбой, имел прошлое и будущее, радости и печали, надежды, мечты, привычки, друзей, интересы и каждый для чего-то жил. Семен Филиппович вдруг поразился – насколько все же глубок и многогранен этот непростой мир, включающий в себя миллиарды других, своих, непохожих; как все явления закономерны и в равной степени необъяснимы; насколько тонка грань между чуждым и нелепым; прозрачна граница между добром и злом.

– А ведь как прекрасно жить. Вот так вот просто – жить. Вкушать каждое мгновение, наслаждаться каждым вздохом. Да... – произнес вслух Семен Филиппович. – Особенно когда у тебя двести штук зелени в кармане. Это новые горизонты, новая степень свободы.

На душе стало светло. Хорошо так, уютно.

– Так, – он решительно поднялся со скамьи, – беру от жизни все. Расфасовав деньги по четырем пакетам и запрятав их в надежных местах (есть такие места у каждого мужика), Семен Филиппович, с двумя купюрами в кармане, предвкушая сладостные моменты, шел навстречу приключениям, которые, безо всякого сомнения, имели место в ближайшем будущем.

На минуту забежал домой – нужно было отмазаться перед родней – «на рыбалку еду, с ночевкой, может, на несколько дней». Клавдия Лаврентьевна недоверчиво повернула глазом

вдоль оси хрусталика: «Утоп бы, падлюка», – подумала она. Хотела смолчать – не удалось, язык у Клавдии Лаврентьевны всегда на стреме:

– Знаю я ваши рыбалки, сама не раз была. Нажретесь как свиньи и давай стыдобу творить. Срам. И как вам не совестно. Паскуды вы едакие, козлы неугомонные, сволочи прохиндейские. – Чем старше женщина, тем шире ее познания о мужчинах и тем каскаднее ее выражения. – Слышь, дочка, не пушай его на рыбалку, пусть лучше по дому, по хозяйству что починит. Я-то вон уж сколь лет не езжу и ничего – жива-живешенька.

Семена Филипповича перекошило.

– Что так, мама, не ездите-то? Птичка сдохла? Аль силы не те? Эх курвы, я вам покажу еще, не пушай, – завелся в тон теще Семен Филиппович.

– Чего это он? – напугалась жена. – Сроду таким не был.

Семен Филиппович почувствовал нарастающую в нем внутреннюю силу, превосходство над бабьим стадом.

– Все. Поехал я. А это, – бросив пустой (без купюр) дипломат на стол – хранить как зеницу ока. Я его, мама, на ключ запер.

– Как енто на ключ? – искренне удивилась теща.

Семен Филиппович заперся в туалете – единственный уголок в квартире, где ему никто не докучал, помимо смрадного дыхания, прорывающегося из-за двери сквозь щели. Присел на дорожку, и в путь – распахнул, что есть силы дверь туалета в надежде зацепить тещу. Задумка не прошла, как обычно, – Клавдия Лаврентьевна увернулась, для нее это семечки. Но все равно проверка бдительности не помешает, когда-нибудь настанет тот чудесный момент, когда она зазеваается, и момент этот где-то рядом, чувствовал Семен Филиппович.

Проходя мимо книжной полки, он остановился. На глаза попался томик Байрона. Писатель-романтик, писатель-поэт, многие мужчины именно ему отдают предпочтение. Воспользовавшись своим одиночеством, связанным с занятостью тещи исследованием всех щелей туалета, Семен Филиппович не удержался и сунул в книгу одну из купюр. «На вечер и сотни хватит», – подумал он.

– Вот теперь все. Поехали, судьба-судьбинушка! – воскликнул Семен Филиппович с удивлением в руках, захлопывая за собой входную дверь.

Первые проблемы начались с обменными пунктами валют – все они, гады, решили нажиться на Семене Филипповиче, давая невыгодный курс. После длительных поисков Семен Филиппович все же нашел пункт, где он выигрывал с каждого бакса по две копейки относительно ранее увиденных обменников. Сэкономив два рубля, он пошел в магазин тратить деньги. Гулять так гулять.

Куда идти с покупками, он уже знал – к своему приятелю, у которого как раз жена с детьми уехала на неделю к родственникам, пожрать на халяву. Купив бутылку водки, не самую дешевую, сельдь иваси, батон хлеба, салат из квашеной капусты, Семен Филиппович решил, что все, хватит, надо быть поумеренней с расходами, так и глазом не успеешь моргнуть – останешься без копейки.

«Пять долларов, – прикинул он. – Густовато, густовато...»

Совдеповское мешанство все больше и больше проявляло себя в незатейливом мозгу Семена Филипповича, захватывая на своем пути и без того скудные до удовольствий ячейки памяти.

Федор встретил гостя в хорошем настроении. Три дня полной свободы, отрешенности от семейных проблем действовали на него благоприятно – каждый вечер пьянка, каждое утро – бодун и сказочная похмелуха. Как-то сразу в Семене Филипповиче проснулась какая-то липкая зависть: «Ну кто он, этот Федя? Да никто – живет на гроши, урод моральный и вообще... Сидит тут, рассказывает, как вчера они жахнули, хохочет через слово. И жена у него красивая, и дети нормальные – везет же козлу. Ну ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет. Увидим».

Про деньги, свалившиеся чудом в его руки, Семен Филиппович, само собой, решил не рассказывать. Пока Федор вспоминал очередную случившуюся с ним историю, Семен Филиппович готовил речь, речь злую и обидную. Все то, что накопилось у него на душе, он хотел выплеснуть на Федора. Он ждал, пока закончится бутылка водки, и тогда он начнет издали – вот, мол, Федя, жрешь ты сейчас, пьешь, хохочешь как конь, не задумываясь, на чьи деньги тебе такой праздник обломился. Понимаешь – халява. А кто платит? Семен Филиппович... В общем, в таком роде.

Ну что такое одна бутылка на двух мужиков? Водка действительно заканчивалась быстро, конечно же, хотелось еще. И Федор, заметив это, как-то без задней мысли, предложил сходить еще за пузырьком, что у него есть заправка как раз по такому случаю. Семен Филиппович тупо смотрел захмелевшими глазами на почти пустую бутылку и молчал. Ему было ужасно стыдно – за свои мысли, за эту заготовленную дурацкую речь, за то, что он хотел из-за своей проклятой зависти обидеть хорошего человека. Ведь Федор ему как брат, для него не то что пузырьки – для него вообще ничего не жалко.

– Слушай Федор, братан. Ты уж извини меня, но сегодня у меня праздник, мне дали премию – сто баксов. Сегодня угощаю я. Пойдем в магазин.

На этот раз деньги тратились легче. С двумя бутылками водки, закуской, пивом и вином они возвратились домой.

После второй выпитой бутылки Семен Филиппович совсем разоткровенничался и чуть было не рассказал о деньгах. «Надо себя контролировать», – подумал он. Вдруг вспомнились мулатки, и ужасно захотелось женского тепла...

День второй

Семен Филиппович с трудом разлепил веки. Потолок был мутный и чужой, кровать, кстати, тоже.

– Черт, где это я?

Приподнявшись, Семен Филиппович огляделся. Сразу бросилось в глаза сопящее тело, лежащее спиной вплотную к нему, точнее – чья-то тушка, почти полностью накрытая одеялом. Тело спало. «Что-то не очень на Федора похоже», – мелькнуло в голове. У противоположной стены стоял трельяж, времен девятнадцатого века, потертый и весьма невзрачный, в зеркале которого Семен Филиппович явственно увидел себя – взлохмаченного, изможденного, со стертыми коленями, в бирюзово-серых трусах в цветочек. «Хорош, стервец», – почему-то подумалось ему. Шкаф, ковер, тумбочка, еще одна тумбочка, бра у изголовья, женские тапочки, обои, окна – все чужое. Носки, ботинки, брюки, рубашка, использованные презервативы, бутылка водки, пластиковые стаканчики: все в одной куче на полу – похоже, свое родное.

– Так, я не дома, точно. И не у Федора. И все же, куда, к чертям собачьим, меня занесло?

Семен Филиппович силился вспомнить поздний вечер вчерашнего дня. Его сразу замутило – вспомнил водку, больше ничего. Что-то подсказывало, что дальше будет еще хуже. Вот-вот должно нагрнать похмелье своею черной полосой в его нежно-лазурную судьбу, накрыть с головой, не оставляя ни единого шанса на безмятежное существование ацетона в крови. Он это знал. В этот исторический момент мирно сопящее тело зашевелилось, кровать изможденно застонала. «Может, это все-таки Федор! – вспыхнула надежда. – Тогда причем здесь презервативы? – надежда погасла. – Хотя...», – содрогнулся Семен Филиппович. – Не может быть!» В ответ на это тело перевернулось с боку на бок, обнажив свое лицо.

– Ы-ы-ы-ы, – неспособный держать эмоции внутри, закипел Семен Филиппович. – Это что же? – ужаснулся шепотом он. – Я это?.. Ее?.. Она меня... Как? За что?

Семен Филиппович мгновенно стал мыслить здраво, адекватно и трезво. Кое-как собрав свои пожитки, на цыпочках покинул гостеприимную квартиру, предоставившую ему и ночлег, и теплую постель, и жрицу любви, которую он по-гусарски решил не будить, дабы не нарушать сна своей возлюбленной.

Из подъезда Семен Филиппович выскочил как ошпаренный.

– Какая корова, какая страшная, губищи, харя... Как я мог? – бормотал он себе под нос.

Пробежав по улице несколько метров, остановился, неожиданным образом узнав двор, являвшийся родным для Федора. И подъезд это его – с испуга не разобрал. Немного подумав, Семен Филиппович решил возвратиться, навестить Федора. Он должен прояснить ситуацию.

Федор пил пиво и был слегка возбужден. Семен Филиппович смекнул – знает ведь, падлюка, кое-какие подробности.

– Федор, я тебя умоляю, только факты и без мата. Побереги мои нервы и ущемленное достоинство.

– Вот я и говорю, – мгновенно прорвало Федора, – нахрена она нам такая толстая? Нет, ты в ответ, какая ж она толстая? Она упитанная, в меру. Знакомиться к ней пошел. Шампанское, цветы. На коленях перед ней ползал, танцевал, пытался обнять необъятный зад ее. «Озолочу, – кричал, – богиня, нимфа, музыка души моей». Жениться обещал, богатства несметные, бриллианты. Хотел даже бежать на вокзал, в камеру хранения, за деньгами – долларами. Где бы ты их взял? Еле-еле тебя отговорил. А любовью вы прямо здесь – на ковре, потом к ней пошли...

– Водки нет? Тогда пива налей мне скорей, – перебил Семен Филиппович.

«От такого стресса как бы в запой не войти», – подумал он.

– Вот, Федь, видишь, как жизнь порой наклонит. А ведь романтики хотелось. Свалю сейчас я отсюда, пока не поздно. У Петра вроде квартира есть пустая, там пока перекантуюсь. Подваливай туда к вечеру, придумаем чего-нибудь.

– А домой, что, не пойдешь? С женой поругался?

– Да нет. Теща, паскуда, приехала. У тебя нет киллера на примете? – вдруг вспомнил о хорошем Семен Филиппович.

– Я поинтересуюсь, если ты серьезно. За твою тещу дорого возьмут, сложная бабка, – сразу в тему запустил Федор.

– Не дороже денег. Я на это удовольствие три года копил, – добавил он на всякий случай. – Слушай, ну ты понимаешь, если вдруг будет искать меня моя возлюбленная принцесса – твоя соседка, отмажь меня, как можешь. Вроде и не знаешь ты меня вовсе, так, случайно в пивнушке познакомились. Боюсь, не скоро я по ней соскучусь.

– Сделаю все в лучшем виде. Вечером увидимся.

Весь день Семен Филиппович проспал в пустующей квартире Петра. Проснувшись вечером, он первым делом побежал в ларек за пивом и, как оказалось, едва наскреб на бутылку.

Вокзал. Камера хранения. С тысячей долларов в кармане Семен Филиппович шел к обменнику, обменять сотню. «У Федора жена уже скоро приезжает, штуки хватит с лихвой», – прикинул он.

В магазине закупились обстоятельно – душа требовала праздника.

Слегка поддатый Федор, безмерно счастливый, в эйфорийно-авантюрном настроении прибыл в назначенное время, тоже с водкой.

– Ну, как?

– Приходила мамонтиха-то, только я ей дверь не открыл. Минут десять звонила.

– Ты молодец, грамотно поступил. Делать ей больше нечего, как шариться по мужикам, женатым к тому же.

– А я уже с киллером договорился – хороший мужик, в школе историю преподает. Пять штук зелени запросил. Обалдеть! Я ему – старушка ангел. Он мне – не будь она такой, просил бы десять. Где денег столько возьмешь? Фотография ее нужна, у тебя нету случайно с собой?

– Случайно нету. Ты видел когда-нибудь мужика, хранящего при себе фото тещи? Кто ж знал, что так дорога мне сегодня будет фотография Клавдии Лаврентьевны. Завтра принесу. – Семен Филиппович просительно поднял глаза к небу: – Эх, скорей бы!.. Ну, Федор, я твой должник, сегодня по такому случаю идем в ресторан, никаких отговорок я не принимаю.

– Уговорил. Только мне надо переодеться – брюки, пиджачок, туфли. Но сначала выпьем по маленькой.

– Как скажешь...

День третий

Семен Филиппович открыл глаза – неестественно знакомый-чужой потолок. Он несколько раз моргнул, настраивая фокус. Эмоции вяло сменяли друг друга. Состояние отчужденности и полного опустошения безмятежно властвовало в проснувшемся хозяине. Голова начинала болеть – Семен Филиппович расстроился, сушняк дико истязал его входящие полости – он захотел пива, спина уже совсем затекла – нужно было подняться. Медленно, осторожно – боль должна поспать еще немного. Огляделся. Увиденная картина со скоростью пять килобайт в секунду от глазных нервов, преобразовываясь в нечто, отождествленное с реальностью, поступала в мозг, а там и до разума недалеко. Кровать – очень знакомая, где-то он ее видел. Рядом кто-то спал, укрытый одеялом с головой, кто-то очень большой. В зеркале, что напротив, он увидел себя в трусиках в цветочек – «хорош, стервец». Шкаф, ковер, две тумбочки, бра у изголовья... Up-grade... Скорость обрабатываемой информации увеличилась на несколько порядков, Семена Филипповича осенило мгновенно.

– День сурка, – с ужасом прошептал он. – А-а-а... – очень тихо прокричал он иссушенным горлом.

Теперь он точно знал, где находится. Точно знал, что нельзя шуметь, что нужно очень быстро и очень тихо свалить отсюда.

– Га, – на выдохе прохрипел Семен Филиппович, ошарашенный таким мистическим поворотом судьбы, закрыв входную дверь гостеприимной квартиры дважды любимой женщины.

– Верую, – немного подумав, сказал он.

Глубоко вдохнул, почесал затылок, упал на колени, перекрестился, поклонился, стукнул лбом в пол, попал в плевок, разогнулся, красиво выругался, рукавом вытер плевков со лба, поднялся на ноги, отряхнул колени, застегнул ширинку, выдохнул.

Чтобы не тратить время зря на то, чтобы выскочить из подъезда, оглядеться, снова подняться, Семен Филиппович сразу направился к двери Федора, соображая, как бы грамотнее начать разговор.

Федор пил пиво.

«Ага, – подметил про себя Семен Филиппович, – сходится».

– Ну как, Федор, поживаешь? – нарочито уверенно начал он, наливая себе кружку пива. – Голова – не-а, не болит? То-то. Пить надо меньше, это я тебе точно скажу. Не надо, Федор, – прерывая жестом открывшего было рот собутыльника, – не надо мне говорить – зачем я познакомился с такой толстухой, зачем дарил шампанское, цветы, на коленях ползал, жениться предлагал, денег обещал, любовью здесь на ковре... Шутил я. Переклинило меня что-то, захотелось чего-нибудь эдакого. А теперь все – баста, срулю я отсюда сейчас. Чтобы не дай бог еще раз увидеть эту корову. У Петра как раз есть свободная квартира, к нему пойду.

– Ты чего, колдырь?! – не выдержал вконец Федор. – Совсем до чертиков допился. Ты чего несешь?

Семен Филиппович подошел к Федору поближе и с недоверием пристально посмотрел ему в глаза:

– Федь, а ты совсем плохой. Ты уж сдерживай себя, так и до белой горячки недалеко...

– Да ты ее, по-моему, уже подцепил. Пил, пил... И подцепил. Ты чего мне позавчерашний день рассказываешь, который я тебе вчера рассказывал? Не дай бог эту корову увидеть вновь, видите ли. Вчера тоже самое трепал. А что взамен?

– Федь, Федь погоди. Так я чего, второй раз уже с толстухой того?

– Я бы сказал – вторую ночь, а сколько уж там раз – это одному трезвому богу известно.

Семен Филиппович вдруг перестал верить в чудеса.

– Федь, ты для меня как летописец, – уже заискивающе продолжал он. – Расскажи, что я вчера еще выкинул. Я помню, как мы в квартире Петра водки выпили...

– Что ж ты мне тогда сказки рассказываешь, будто вчерашнего дня и не было?

– Да я, – замылся Семен Филиппович, – мне как будто почудилось что-то, ну в общем клина поймал я.

– То-то я вижу – понесло куда-то братца Кролика. Ладно, рассказываю: пошли мы потом ко мне, чтобы я приделся поприличней к ресторану. У меня еще вмазали.

– А надо было?

– Ты сам сказал «надо, Федя, надо». Потом я пошел в спальню переодеться. Буквально две минуты был, возвращаюсь, а ты в обнимку с мамонтихой сидишь, милуешься. В ресторан втроем поехали. Гуляли на широкую ногу – и музыку, и выпивку, и кушанья. Раз десять наверное выпили за невинно убиенную тещу, за камни, которыми забрасают ее хрупкое тело, чтобы были они пухом... Посидели, надо сказать, хорошо. Не без скандала конечно. Официантка там была, обслуживала нас, вот ты ее и схватил за задницу, ну, потрогал хорошо – задница что надо. Официантка ничего, а вот твоя взревновала. В обществе она совсем себя не умеет вести – крик непомерный устроила. Тебе прямо неудобно перед людьми за нее стало, конфузная ситуация. Тарелку черной икры для нее заказал! В доказательство любви, вот оно как. Только когда все съела, успокоилась. Шумная баба, нечего сказать. А потом и мне, кажется, пару подобрали. Ну дальше все чинно, мирно, по-людски.

– Ага, значит, сам-то толком тоже дальше не помнишь?

– Ну да. Сколько можно, не железная память-то. Слава богу, у себя дома проснулся, а не где-нибудь в подворотне.

– Ладно, – подвел черту официальным тоном Семен Филиппович. – Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я считаю, что достаточно глупо было бы мне ждать пришествия слонов. Жду тебя вечером у Петра. А ты пока подумай, чего это нам сегодня культурного натворить.

– Хорошо, хорошо. Ты про фото не забудь и деньги прихвати, половину суммы – аванс.

Семен Филиппович ворвался ураганом домой.

– Здорово, мать, давай с тобой шары гонять, – скаламбурил он, приветствуя тещу.

– Где рыба, алкаш? – обрадовалась в ответ Клавдия Лаврентьевна.

– Ладно. Пойду с женой поздороваюсь, – нежно прошел мимо тещи он.

Семен Филиппович листал семейный фотоальбом. На него смотрели счастливые лица его друзей, родственников, детей – еще совсем юных, милых, послушных, добрых – таких, какими все они бывают в детстве. Вот он с женой, еще совсем молодой на юге – упитанный, загорелый и уверенный в себе. А вот он на рыбалке у костра в компании друзей. А здесь он у родильного дома встречает с цветами свою жену со вторым ребенком. А вот... В душу нахлынула ностальгия. Вся тяжесть прожитых лет легла на его плечи – как неумолимо жестоко, безвозвратно течет время. А ведь жить-то надо было начинать двадцать лет назад, когда еще душа полна задора и огня, а не сейчас делать робкие попытки изменить себя, свою душу, изначально не веря в успех.

– Ничего, ты сможешь, – подбодрил себя вслух Семен Филиппович. – Не вышло раньше – сделаю сейчас. Время есть, деньги тоже. Я смогу.

Он с силой захлопнул альбом, отогнав от себя сентиментальную тоску по ушедшему прошлому.

Жена Семена Филипповича на кухне варила макароны.

– Слушай-ка, дорогая, а где это у нас фотографии моей любимой тещи?

– Так ты ж их сжег! Все до единой.

– Эка напасть. Поторопился это я.

– Мне очень приятно, что в последнее время ты стал уделять значительно больше внимания маме. Я слышала, как ты сегодня с ней здоровался.

– Обещаю, в ее следующий день рождения куплю цветов. А кстати, где мой дипломат, запертый на ключ?

– А он сломался, – неожиданно вынырнула Клавдия Лаврентьевна. – Я с него только пыль смахнула, а он взял да и сломался.

– Мой дипломат сломался, – упавшим голосом произнес печально Семен Филиппович. – Покажите мне его, дайте взглянуть на него в последний раз.

В углу, замаскированный газетами, лежал дипломат – оскверненный, раскуроченный пилкой для ногтей, вилкой, ножиком, отверткой, стамеской, молотком, монтировкой, топором.

Семен Филиппович тяжело вздохнул.

– Сохраню его как память... Ввиду представленных мне доказательств и аргументов вандализма, – переключился он, – постановляю: вычесть из ближайшей пенсии Клавдии Лаврентьевны рыночную стоимость дипломата.

Клавдия Лаврентьевна неестественно побледнела.

– Таков суровый приговор, – продолжал Семен Филиппович. – Но, учитывая былые заслуги перед нашей семьей, трудовой стаж, скромность и обаяние подсудимой, предлагаю изменить меру пресечения на выполнение одной моей в сущности пустяковой просьбы. Ничего такого. Как, Клавдия Лаврентьевна? Согласны ли вы с такой постановкой вопроса? Или же вы готовы поставить на кон свою пенсию?

– Му, – неопределенно промычала теща, ожидая насилия. Ах, эта пенсия по праву и по заслугам, за нее она на все согласна.

– Я сегодня просматривал наш семейный фотоальбом и к своему удивлению и разочарованию я не обнаружил вашей фотографии. Такая интересная и интеллигентная женщина. Эту несправедливость я и хочу исправить. Клавдия Лаврентьевна, прошу вас, попозируйте мне. Наденьте ваше лучшее платье.

– Мне, право, неловко. Как-то все неожиданно, – для приличия поломалась Клавдия Лаврентьевна.

Семен Филиппович не пожалел пленки – и профиль, и анфас, дальний план, ближний... Теперь надо успеть в срочную проявку, чтобы к вечеру фото были готовы. Он уже был в ботинках, как его пронзила глобальная идея: вот оно – все же как порой он может мыслить широко и вдохновенно! Семен Филиппович знал, где у тещи находится тайник, в котором хранятся весьма интересные вещицы – портрет Сталина, пачка презервативов, нож разделочный, с запекшейся кровью на лезвии (достался от первого мужа, исчезнувшего таинственным образом), фото любовника – заводчика коз, самодельная соломенная кукла с иголкой в заднице (в последнее время Семена Филипповича стал одолевать геморрой), а также ряд не отправленных по назначению доносов и документы. Воспользовавшись отсутствием Клавдии Лаврентьевны, Семен Филиппович бессовестно залез в святая святых тещи. На этот раз ему нужен был ее паспорт.

Вечером Семен Филиппович передал пакет с фотографиями, подробным описанием мест тусовок тещи, деньгами Федору.

– Вот, смотри. Вся необходимая информация и аванс. Только чтоб наверняка. Да, чуть не забыл, – спохватился он, доставая помятый лист с фото Клавдии Лаврентьевны, вырванный из паспорта, из кармана брюк. – Боялся, вдруг фото не получится или пленка засветится. Подстраховался.

– Ты сама находчивость, – восхитился сообразительностью друга Федор. – Ну, какие планы на сегодня?

– Да вот, не хотелось бы сильно напиваться. Так, культурно пивка в каком-нибудь баре, девчонок снять, а там как получится.

– Одобряю. Тогда пойдем на улицу, а то засиделись мы дома. А пакет с информацией оставлю пока здесь, на обратном пути заберу.

Домой возвращались под хмельком, за полночь, с двумя девицами, с которыми они на удивление легко нашли общий язык. Девицы, в меру симпатичные, не задумываясь, приняли приглашение друзей зайти к ним домой на кофе с коньком. Семен Филиппович ошалел от перспективы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.